

ПРЕМЬЕР-МУЗЫКАНТ ЭДВАРД ХИТ (1970–1974)

Много ли мы знаем об Эдварде Хите, правившем Великобританией всего-то три с половиной года с июня 1970 г. по февраль 1974 г.? Наверное, премьер-министр, приведший страну в Европу, не нуждается в особом представлении. Именно благодаря его усилиям переговоры с Брюсселем увенчались успехом, и Великобритания стала, наконец, хотя и с третьей попытки, членом Европейского экономического сообщества. Он также прославился своей недружественной и небывалой по масшта-

бу акцией в отношении Советского Союза: в сентябре 1971 г. 105 работников советских учреждений в Великобритании были обвинены в шпионской деятельности и высланы из страны. Хит не смог выстроить отношения своего правительства с профсоюзами, в итоге конфликт между ними привел к внеочередным парламентским выборам и поражению на них консервативной партии. Хит стал также первым в истории лидером тори не аристократом, а представителем среднего класса, избранным по демократической процедуре. И именно его через год после поражения на всеобщих выборах сместила с поста лидера партии Маргарет Тэтчер — первая в истории страны женщина, возглавившая одну из ведущих британских партий.

Но, пожалуй, самое интересное то, что Хит является единственным в британской истории премьером-музыкантом. Кто еще из глав правительств может похвастаться тем, что, уйдя в отставку, занялся активной концертной деятельностью, выступая в качестве приглашенного дирижера ведущих симфонических оркестров мира? Жизнь подарила Хиту возможность работать и дружить со многими великими музыкантами. Но и это еще не все: в 50 лет он серьезно увлекся парусным спортом, став первым и пока единственным в истории действующим британским премьером — капитаном команды, которая под его началом принимала участие и побеждала в международных парусных регатах.

Хит прожил большую и яркую жизнь. Его воспоминания о том тревожном времени, на которое пришлось его молодость, — 30–40-х годах прошлого века, о войне, в которой он принимал участие, о людях, с которыми свела судьба, — У. Черчилле, Н. Чемберлене, Э. Идене, Г. Макмиллане, М. Тэтчер, Н. С. Хрущеве, А. Н. Косыгине, Ш. де Голле, Ф. Кастро, Мао Цзэдуне и многих других — представляют огромный интерес. Любопытно, что публикацией мемуаров¹ он также нарушил сложившуюся традицию, став первым в британской истории

¹ Heath E. The Course of My Life. London, 1998.

экс-премьером, чьи воспоминания увидели свет не через три-четыре года после ухода в отставку, как это обычно бывает, а только через 24 года.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Родившийся в июле 1916 г. Хит был представителем среднего класса: один его дед работал носильщиком, другой — садовником, отец начинал плотником в строительной компании, позже стал мелким подрядчиком, мать была горничной. Семья жила на юго-востоке Англии в Бродстерсе — небольшом курортном городке, прочно связанном с именем Чарльза Диккенса: чуть ли не на каждом доме висела табличка, напоминающая о том, что здесь жил великий писатель. И только одна из них отличалась от прочих следующей надписью: «В этом доме никогда не жил Диккенс». Родители усердно трудились всю жизнь, чтобы вырастить детей — Эдварда (Тэда) и его младшего брата Джона. Они стремились дать хорошее образование именно старшему сыну, который, в отличие от младшего, демонстрировал не только прилежание и целеустремленность в учебе, но и музыкальные способности: солировал в церковном хоре, играл на фортепиано в школьном оркестре, позже — на органе и даже сочинял музыку и дирижировал. Любимыми предметами Тэда в грамматической школе¹ Чэтэм-хаус были математика и языки (кроме немецкого). Преподаватель испанского заразил учеников любовью к Аргентине и особенно Буэнос-Айресу. Тэд учил также французский, но этим языком так и не овладел. (Много позже президент Франции Ж. Помпиду положил конец попыткам Хита говорить по-французски, честно назвав его произношение ужасным.) Казалось бы, что такой прилежный и хорошо

¹ Общеобразовательные средние школы, готовящие к поступлению в университеты, цель которых с помощью экзамена «11 плюс» (его проходят в 11-летнем возрасте) собрать «интеллектуальные сливки нации и дать им первоклассное образование».

организованный ученик, не принимавший участия в дворовых и спортивных играх, отдававший все свободное время музыке, должен был подвергаться насмешкам и издевательствам одноклассников, но, как ни странно, Тэда любили и уважали.

Не поступив на музыкальное отделение Кембриджского университета, Хит обратил свои взоры на Оксфорд. Он вообще стал первым членом семьи, обучавшимся в университете. Музыканты в то время не получали стипендий, но образцовый реферат по экономике позволил Тэду стать студентом Бэллиол-колледжа. Несмотря на то что половина его однокурсников пришла из закрытых частных школ, классовые различия не были такими заметными, как в других местах: в Бэллиоле ценился прежде всего интеллект. Что же касалось социального происхождения самого бедного студента колледжа, то его выдавал своеобразный акцент, представлявший собой смесь оксфордского с провинциальным кентским (сдавленные гласные), от которого Тэд, несмотря на тонкий музыкальный слух, так и не смог впоследствии избавиться. Он благополучно завершил учебу в университете благодаря средствам, выделенным Кентским комитетом по образованию, а также известным адвокатом, за домом которого ухаживал отец, а позже полученной на четвертом курсе стипендии.

Увлечение политикой привело Хита к вступлению в Консервативную ассоциацию Оксфордского университета (в 1937 г. он был избран ее президентом). Но этим он не ограничился. В то время считалось нормальным состоять в разных политических организациях (это делалось для того, чтобы познакомиться с аргументами оппонентов), поэтому Хит вступил также в либеральную и лейбористскую группы. Из любопытства он даже посетил съезд профсоюзов в Маргейте в сентябре 1935 г. Впоследствии Тэд с шуткой вспоминал, как во время войны, столкнувшись на вокзале с отцом своего приятеля, сопровождавшим лидера лейбористской партии К. Эттли, он чудом избежал назначения кандидатом в парламент от лейбористской партии. К счастью для Хита, опаздывавший на поезд Эттли не успел от-

реагировать на конкретное предложение своего спутника привлечь энергичного молодого человека в ряды лейбористов¹.

Студенческие годы Тэда были полны приключений. В 1937 г. он по приглашению приятеля-немца оказался в Германии и даже ухитрился в качестве гостя побывать в Нюрнберге на съезде нацистской партии. В мемуарах он вспоминал, как в атмосфере полной истерии, подогреваемой музыкой Вагнера, на стадионе в открытом автомобиле появился Гитлер. Проходя на трибуну, он даже задел Хита плечом. «Хотя его речи были во многом неорганизованными и часто прерывающимися, — пишет Хит, — он знал, на какие кнопки надо нажимать, общаясь со своей аудиторией». На приеме, устроенном СС, присутствовало почти все нацистское руководство. Тэд был представлен «грузному» Герингу, «бледному и невыразительному» Геббельсу, а также Гимmlеру, чье «вялое» и «небрежное» рукопожатие он впоследствии вспоминал с отвращением². Увиденное произвело на него сильное впечатление: Хит утвердился во мнении, что конфликта с Германией избежать не удастся.

Оксфордский Союз, а также Консервативная ассоциация университета часто приглашали выступить известных политиков. Так, в 1936 г. Тэд познакомился с Уинстоном Черчиллем: тот, нарушив зарок не посещать Оксфорд из-за связанных с ним неприятных воспоминаний³, приехал поддержать на выборах друга — профессора университета Линдемана. Свое выступление он посвятил проблеме, которая стала для него в предвоенный период своего рода *idée fixe*, — перевооружению перед лицом нараставшей угрозы со стороны нацистской Германии. Тэд восхищался не только Черчиллем, но и Иденом. По его приглашению экс-глава Форин офис, ушедший в отставку из-за несогласия с проводимой кабинетом политикой «умиротворения»

¹ Heath E. Op. cit. P. 101.

² Ibid. P. 43, 44.

³ Сын Черчилля Рэндольф ради лекционного тура по Соединенным Штатам бросил учебу и уже никогда к ней не вернулся.

(формальной причиной отставки стали расхождения с премьером по поводу сроков и необходимости заключения широкого соглашения с Италией), выступил на традиционном обеде в Союзе в ноябре 1938 г. К удивлению и разочарованию присутствовавших, в своей речи Иден был чрезвычайно осторожен, ограничившись общими фразами. Возможно, рассчитывая в недалеком будущем вернуться в правительство, он не хотел неосмотрительными заявлениями помешать осуществлению этих планов.

Деятельность Хита в Союзе была весьма продуктивной: он добился не только увеличения членства более чем вдвое, но и укрепления финансового положения организации. Участвуя в дискуссиях не только в Оксфорде, но и в американских университетах, Тэд смог развить свое полемическое мастерство, хотя его и нельзя причислить к выдающимся ораторам, таким как Черчилль. Сильной стороной Хита была хорошая память, мастерский подбор фактов, а также способность выгодно их подать. Он стремился подражать министру внутренних дел Джону Саймону, который всегда с блеском выступал без бумажки. Ораторские способности Хита получили признание осенью 1937 г., когда на одном из заседаний Союза, на котором выступал председатель лейбористской партии и будущий министр финансов Хью Дальтон, благодаря его яркому оппонированию представленная министром программа была отвергнута аудиторией. Это был первый за много лет случай, когда левые, пользовавшиеся внушительной поддержкой в Оксфорде, потерпели поражение.

Будучи убежденным противником политики «умиротворения» агрессора, Хит с горечью встретил подписание в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии. Не веривший в соблюдение соглашения Германией, он в ходе острой дискуссии атаковал политику Н. Чемберлена и вновь одержал внушительную победу в дебатах. Много лет спустя он обсуждал знаменитое заявление премьера, сделанное им после Мюнхена («Я привез мир для нашего времени»), с А. Дуглас-Хьюмом, который был в то время личным парла-

ментским секретарем главы правительства. Дуглас-Хьюм рассказал, что в полете по пути из Мюнхена в Лондон он предостерегал Чемберлена от заявлений подобного рода и тот даже поклялся, что справится с искушением. Однако, тепло встреченный толпой на аэродроме, он поддался чувствам и не удержался от заявления, которое преследовало его потом до самой смерти¹.

Летом 1938 г. Тэд с небольшой группой однокурсников по приглашению республиканского правительства, которому он симпатизировал, побывал в еще не захваченной франкистами Каталонии. Там на встрече с британским контингентом Интербригады он познакомился и разговорился с молодым бойцом по имени Джек. Судьба вновь свела их сорок лет спустя, когда Хит стал премьером, а Джек Джонс возглавил самый крупный британский профсоюз — транспортных и неквалифицированных рабочих, став, по мнению многих, самым могущественным британцем. Их встречи, несмотря на обоюдные теплые воспоминания, стали роковыми для Хита, оказавшегося со своим визави по разную сторону баррикад и, как известно, проигравшего эту схватку с левыми.

Авантюрный характер молодого Хита и его приятеля привел их в июле 1939 г. в Варшаву. Британский посол настоятельно рекомендовал студентам как можно быстрее покинуть страну, ведь мир был на пороге войны. Выбираясь автостопом, они наблюдали массовые перемещения немецких войск к границе Польши. В поезде, следовавшем из Лейпцига в Париж, незадачливым путешественникам пришлось всю дорогу молчать, чтобы не навлечь на себя гнев немецких пассажиров, не скрывавших враждебности к иностранцам, особенно англичанам. Атмосфера в Париже также была предвоенной, в британском посольстве им разъяснили, что, задержись на несколько недель, они уже вряд ли смогут покинуть Францию. Это опасное приключение закончилось для Хита благополучно: он прибыл домой за неделю до начала войны.

¹ *Heath E. Op. cit. P. 58.*

Окончив университет с дипломом второго класса и придя к выводу, что вряд ли добьется больших успехов как исполнитель или дирижер, Тэд решил посвятить себя политической деятельности, тем более что был на хорошем счету у руководства консервативной партии. Но вмешалась война, и его призвали в армию. Однако в отличие от брата, который в составе британского экспедиционного корпуса сразу попал на фронт во Францию, Тэд оказался приписан к Королевской артиллерии, основной задачей которой была защита британских городов от воздушных бомбардировок в ходе «Битвы за Англию». (Впоследствии Хит командовал артиллерийским подразделением в Тауэре, в том числе и в день коронации королевы Елизаветы II.) И только 6 июня 1944 г. он в составе сил союзников высадился в Нормандии, затем воевал в Бельгии, принимал участие в неудачной для англичан операции при Арнеме. Сразу по окончании войны Тэд занимался восстановлением германских городов, а перед возвращением к гражданской жизни побывал на процессе над нацистскими преступниками в Нюрнберге, где вновь увидел вблизи тех, с кем встречался и даже обменивался рукопожатием восемью годами ранее и кто принес разрушение и несчастья не только его стране, но многим странам мира.

Несмотря на то что впоследствии Хита обвиняли в высокомерии по отношению к коллегам-парламентариям, на фронте он проявил себя храбрым офицером, энергичным организатором и хорошим товарищем, заслужив уважение и любовь однополчан и командования. Многие из них, а также коллеги Хита по работе в министерстве гражданской авиации и банке (до его избрания в парламент) активно помогали ему в ходе предвыборной кампании.

В ПАРЛАМЕНТЕ

Парламентская деятельность Хита началась, когда ему исполнилось 33 года — в 1950 г., а избран он был от округа Бек-

сли, где благодаря его энергичной агитации численность избирателей, голосовавших за тори, возросла в 10 раз¹. Уже через год — после победы консерваторов на внеочередных всеобщих выборах 1951 г. — Тэд был назначен одним из «кнутов» (партийных организаторов, обеспечивающих правильное голосование) консервативной фракции Палаты общин, затем первым заместителем главного «кнута». Это была хотя и ответственная, позволявшая продемонстрировать организаторские способности, но мало содействовавшая карьерному росту работа, главным образом потому, что «кнуты» лишены возможности выступать в дебатах. Вынужденное молчание Хита растянулось на целых восемь лет.

Ему довелось работать с тремя британскими премьер-министрами: Черчиллем, Иденом и Макмилланом. «Величайший британец» был уже в преклонном возрасте, но благодаря победе консерваторов на выборах вновь стал премьером. Поначалу Черчилль никак не мог запомнить Тэда, но когда тот стал главным «кнотом», а Черчилль уже ушел в отставку, они подружились. Хит часто бывал у Черчиллей дома и даже удостоился подарка — двух пейзажей кисти премьера. Наблюдая стареющего Черчилля вблизи, он все более утверждался во мнении, что партия тори только выиграла бы, если бы тот вовремя ушел в отставку, передав бразды правления своему официальному преемнику Идену. Черчиллю все труднее было справляться со своими обязанностями, его подводили здоровье и память, в результате он вынужден был прибегать к небольшим ухищрениям. Так, по приглашению Хита экс-премьер выступал однажды перед подразделением артиллеристов с речью, посвященной Организации Объединенных Наций. Она показалась Тэду до боли знакомой: он вспомнил, что слышал эту же речь, когда учился в школе, тогда теми же словами Черчилль говорил о Лиге Наций².

¹ *Ziegler Ph.* Edward Heath. London, 2011. P. 60.

² *Heath E.* Op. cit. P. 157.

Работать главным «кнотом» с Иденом было непросто. Тот взял за правило звонить Хиту в любое время дня и ночи по любому, самому незначительному поводу. Тэду приходилось успокаивать премьера, который часто бывал раздражен и взвинчен. Его работу в этой должности вспоминали по-разному: Иден ценил «лучшего из главных “кнотов”» за «решительный ум» и прекрасную работу¹, парламентарии уважали за то, что он не прибегал к наиболее жестким приемам по отношению к членам фракции — угрозам и шантажу, чтобы заставить их придерживаться линии правительства. Возможно, в этом и не было необходимости, так как консерваторы имели тогда в Палате общин большинство в 59 мест. Тем не менее по крайней мере один из них — Эйри Нив, затаив на «кнута» обиду, отомстил ему впоследствии тем, что стал главным архитектором блестящей победы Маргарет Тэтчер, по сути свергнув Хита с поста лидера партии.

Весной 1956 г. Тэд был представлен Н. С. Хрущеву в ходе визита советских руководителей в Великобританию. Никита Сергеевич был чрезвычайно удивлен, когда ему объяснили, что задачей главного «кнута» является убеждение членов партии поддержать лидера во время голосования. «Какая странная система, — заметил Хрущев, — разве не достаточно им просто сказать об этом?!»² Британская политическая система казалась странной не только Хрущеву, но и президенту США Р. Никсону. Так, позвонив Хиту, чтобы поздравить его с победой на всеобщих выборах, он пожелал ему хорошо обдумать все министерские назначения за те два с половиной месяца, которые даются перед вступлением в должность. Услышав в ответ, что власть в Великобритании передается очень быстро и что Тэд уже должен ехать к королеве на церемонию «целования рук», президент воскликнул: «О боже! Что за система!» Ново-

¹ The Memoirs of the Rt. Hon. Sir Anthony Eden. Full Circle. London, 1960. P. 549.

² Heath E. Op. cit. P. 164.

испеченный премьер-министр так и не понял — восхищался тот британской системой или же осуждал ее¹.

Мемуары Хита, среди прочего, проливают свет на некоторые детали, связанные с одной из самых позорных страниц послевоенной британской истории — Суэцкой агрессией 1956 г., а точнее — с подробностями сговора Великобритании и Франции с Израилем. Серьезный внутривластный и международный кризис, возникший после национализации Египтом в июле 1956 г. компании Суэцкого канала, достиг своей кульминации в октябре, когда в обстановке глубокой тайны был сформирован трехсторонний союз и разработан план военного нападения на Египет. Осознавая опасность восстановления против себя всего арабского мира, Иден вынужден был осуществлять сговор с Израилем в тайне. В историю подписания Севрского протокола 24 октября 1956 г. было посвящено всего несколько человек: сам премьер, глава Форин офис С. Ллойд, министр финансов Г. Макмиллан, лидер Палаты общин Р. Батлер и главный «кнут» Э. Хит, которого данная информация «встревожила, но не удивила». Перед началом заседания кабинета 25 октября он застал Идена в приподнятом настроении. Усталость, которая в те дни была его постоянной спутницей, как рукой сняло. «У нас есть договоренность! — воскликнул премьер. — Израиль согласился вторгнуться в Египет. После этого мы направим наши войска и вернем канал. Это — высшая форма управления государством!»²

Отмахнувшись от предостережений главного «кнута» от излишней эйфории, Иден, как одержимый, повторял, что не может позволить Насеру, которого он сравнивал с Гитлером, осуществить затею с национализацией канала. Будучи против военной операции, Хит не подал в отставку только потому, что это нанесло бы сокрушительный удар по тори, неизбежно поставив вопрос о доверии правительству. Заключительная фаза

¹ Ibid. P. 308.

² Ibid. P. 169.

кризиса развивалась стремительно. 30 октября в 16.30 премьер прервал заседание Палаты общин для того, чтобы объявить, что Израиль напал на Египет и движется к каналу. В соответствии с договоренностью, достигнутой в Севре, далее, как известно, последовали англо-французский ультиматум Каиру и Тель-Авиву, бомбардировка союзниками аэродромов на севере Египта и зоны Суэцкого канала, высадка британских и французских частей в Порт-Саиде. Война была прекращена лишь после знаменитой ноты советского правительства Парижу и Лондону от 5 ноября и отказа Соединенных Штатов в финансовой помощи Великобритании, вызвавших раскол кабинета.

Любопытен комментарий Черчилля по поводу Суэцкой операции, сделанный им спустя три недели после ее бесславного завершения: на вопрос, как бы он действовал на месте Идена, экс-премьер ответил: «Я никогда бы не посмел, но если бы посмел, то никогда бы не остановился»¹. Свое удивление неспособностью Великобритании довести операцию до победного конца выражал главе Форин офис даже госсекретарь США Дж. Даллес, интриги которого, как полагали в Лондоне, не позволили Вашингтону встать на сторону своего партнера².

Авантюра имела тяжелые последствия для позиций Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, ее отношений с арабским миром, серьезно сказалась на отношениях с Соединенными Штатами и Советским Союзом. В пику заокеанскому партнеру депутаты-тори, оскорбленные «предательством» Вашингтона, даже начали сбор подписей в поддержку признания КНР в ООН представителем всего китайского народа, а также национализации Панамского канала³. Иден до конца отрицал наличие какого-либо сговора Великобритании с Израилем — как в парламенте, так и впоследствии в мемуарах. В свою оче-

¹ *Gilbert M. Never Despair. Winston S. Churchill, 1945–1965. London, 1988. P. 1222.*

² *The Sunday Telegraph. 29.IX.1985.*

³ *Ziegler Ph. Op. cit. P. 101.*

редь, много лет спустя Тэд подтвердил обратное, рассказав, что после дебатов в Палате общин по Суэцу он встретил секретаря кабинета сэра Нормана Брука, который вышел от премьер-министра, «выглядевшим как старый самурай, которого только что попросили сделать себе харакири». Брук сообщил, что ему поручено уничтожить все документы, связанные с Севрской договоренностью, что и было исполнено¹. Таким образом, Хит подтвердил то, о чем высказывалось множество догадок и что стало к тому времени очевидным, а именно — что Севрский протокол и другие документы, свидетельствовавшие о трехстороннем тайном сговоре, были уничтожены по прямому распоряжению премьер-министра. Иден же сознательно солгал парламенту, заявив, что нападение Израиля на Египет стало для него сюрпризом. По словам главного историка Форин офис с 1995 по 2005 г. Джил Беннет, «“Суэц” стал свидетельством постимперского упадка, министерского двуличия и некомпетентности, унижения и провала, самой низкой точкой (политики. — Н. К.) британского правительства в XX в., что не должно повториться»². Он также положил конец карьере Идена: 8 января 1957 г. премьер подал в отставку.

Поведение главного «кнута» в ходе кризиса, лояльное по отношению к своему начальнику, человеку, которого он глубоко уважал, но с действиями которого, а тем более обманом членов кабинета и парламентариев не был согласен, способствовало укреплению авторитета Хита в партии. Доведя до сведения личного секретаря Елизаветы II М. Эдина предпочтения большинства тори, он сыграл немалую роль в назначении премьера Идена: им стал не убежденный противник Суэцкой авантюры Рэб Батлер, а ее стойкий сторонник Г. Макмиллан, который, по мнению Тэда, был более способен сплотить партию и наладить испорченные отношения с Вашингтоном.

¹ Heath E. Op. cit. P. 177.

² Bennett G. Six Moments of Crisis. Inside British Foreign Policy. Oxford University Press, 2014. P. 37.

У Хита сложилось хорошее взаимопонимание с новым премьером, хотя, согласно утверждениям некоторых недоброжелателей, Макмиллан якобы считал его «великолепным главным “кнутом”... первоклассным офицером, но не командующим армией»¹. Несмотря на то что в новом правительстве Тэд получил наименее популярный среди его коллег пост министра труда, очень скоро он стал самой влиятельной фигурой и серьезным претендентом на пост лидера партии в будущем. Установленная им практика проведения совместных ланчей с профсоюзными лидерами, со многими из которых удалось установить вполне дружеские отношения (опасаясь ненужной огласки, последние настояли на встречах в закрытых клубах, где можно было предстать инкогнито), помогла предотвратить несколько забастовок. Бывало, он развлекал своих гостей игрой на фортепьяно, исполнив однажды по их просьбе даже гимн лейбористской партии «Красный флаг»². Джек Джонс назвал эти встречи с министром «человеческим лицом торизма»³. Через несколько лет Хита передвинули в министерство иностранных дел на пост лорда — хранителя печати. Впоследствии он сожалел, что так мало пробыл в предыдущей должности, ведь укрепление неформальных связей с руководством профсоюзов помогло бы ему избежать серьезных неприятностей в будущем — на посту премьер-министра.

Хит с большой теплотой отзывался о своем «политическом наставнике» Макмиллане, который хорошо владел внутри- и внешнеполитической проблематикой, но отличался своеобразным стилем работы. Так, например, однажды его застал сидящим с ногами в кресле и читающим книгу. Ответив по делу нарушившему покой премьера Хиту, тот попросил его больше не беспокоить, так как до отъезда в Австралию хотел

¹ *Ziegler Ph. Op. cit. P. 105.*

² *Hennesy P. The Prime Minister. The Office and Its Holders Since 1945. London, 2000. P. 332.*

³ *Ziegler Ph. Op. cit. P. 365.*

дочитать роман Ч. Диккенса «Домби и сын». На следующий день он улетел на долгие шесть недель¹.

На протяжении всей жизни Хит был убежденным европеистом, «европеистом до неприличия»². Даже его первая речь в Палате общин, так называемая *maiden speech*, была посвящена идее объединения Европы как единственного способа избежать войн в будущем. Неудивительно, что именно Хит в должности лорда — хранителя печати, с реальными полномочиями в области «европейских дел во всех их аспектах»³, возглавил британскую делегацию на переговорах с Брюсселем в 1961–1963 гг., когда Лондон сделал первую попытку вступить в ЕЭС. Теперь, когда Великобритания под руководством консерваторов оказалась на пороге выхода из Евросоюза, описание Хитом того, как упорно она добивалась вступления в Сообщество на протяжении более 10 лет, представляет большой интерес.

Решение Макмиллана обратиться с просьбой о вступлении в Общий рынок, единодушно поддержанное кабинетом 21 июля 1961 г., свидетельствовало, по словам Хита, об «окончании славной эры Британской империи и начале новой главы в британской истории. Концепция “трех окружностей” (лежавшая в основе внешней политики страны. — *Н. К.*) уходила в прошлое»⁴. В то время Хита не особенно волновала проблема передачи ЕЭС части британского суверенитета, остро стоящая перед Лондоном сегодня. Уверенный в том, что будущее страны лежит в Европе, он отметал высказываемые опасения, разъясняя, что любой шаг в сторону создания федерации потребует единогласия всех членов Сообщества, таким образом, британский суверенитет будет защищен.

В мемуарах Хит сообщает любопытные подробности того, как формировалась британская делегация и как проходили

¹ *Heath E.* Op. cit. P. 188.

² *Williams Ch.* Harold Macmillan. London, 2010. P. 374.

³ *Thorpe D. R.* Alec Douglas-Home. London, 2007. P. 207.

⁴ *Heath E.* Op. cit. P. 203.

переговоры с европейскими партнерами. Так, график визитов Макмиллана и Дуглас-Хьюма в европейские столицы был составлен таким образом, чтобы это не мешало им предаваться любимому занятию — охоте на куропаток. Понимая, что на пути в ЕЭС ей придется преодолеть сопротивление со стороны заправлявшего в Сообществе франко-германского тандема, британская сторона сформировала команду переговорщиков из специалистов, которые говорили не менее чем на трех языках. Один полиглот, владевший семью языками, обладал к тому же редким талантом чтения по губам на французском и немецком, что позволяло британцам быть в курсе того, о чем говорят между собой европейские партнеры. Душой команды был Хит, обладавший качествами первоклассного переговорщика, прекрасно владеющего всеми деталями обсуждаемых проблем, имевший хорошие связи с прессой, членами британского правительства, руководством европейских стран, а также британских профсоюзов, которым он обещал решить вопрос занятости. Его профессионализм вызывал восхищение не только у членов команды, но и у европейцев. Не случайно в 1963 г., уже после провала переговоров, Германия наградила Хита престижной премией «За содействие международному взаимопониманию и сотрудничеству в Европе»: до него такой чести был удостоен лишь один британец — Черчилль. На эти средства Тэд купил себе рояль «Стейнвэй».

Впоследствии было подсчитано, что прозванная «летающими рыцарями» команда Хита совершила за полтора года 11 визитов в Париж, 27 в Брюссель и столько же — в другие страны ЕЭС. В ходе переговоров стало ясно, что благожелательно в отношении вступления Великобритании настроены страны — члены Европейской ассоциации свободной торговли (при условии учета их интересов), страны Бенилюкса, а также Италия и Германия. Хуже обстояло дело с Содружеством, «взрыв» которого с трудом предотвратил Макмиллан, направив на конференцию лорда-канцлера для разъясне-

ния позиции Великобритании¹. Но главным препятствием на пути вступления, безусловно, был Париж. Хит полагал, что если бы не интересы Содружества, которые он вынужден был отстаивать на переговорах с членами ЕЭС, можно было прислушаться к совету Жана Моне: подписать Римский договор, а потом уже добиваться нужных условий. В этом случае Великобритания могла бы участвовать в дискуссиях по вопросу европейской аграрной политики, который тогда стоял в повестке дня, скорректировав ее в свою пользу. К тому же де Голлю трудно было бы открыто противодействовать вступающему без всяких условий Лондону. Но на это не могло пойти британское правительство, вынуждавшее Хита выдвигать, мягко говоря, «экстравагантные» требования (в основном от лица министерства сельского хозяйства и рыболовства), которые были заведомо непроходными, что лишь усиливало подозрения европейских партнеров, особенно Франции, в несерьезности британских намерений. Так, например, минсельхоз настаивал на переходном периоде в 15, в крайнем случае 12 лет, мотивируя это необходимостью тщательной подготовки 52 инспекторов, которые должны были осуществлять надзор за качеством сельскохозяйственной продукции². Подобные требования лишь мешали переговорам, всячески их затягивая. Этим воспользовались французы, форсировав разработку в выгодном для себя ключе и принятие общей аграрной политики ЕЭС до решения вопроса о приеме Великобритании и создав, таким образом, почву для растянувшейся на десятилетия борьбы Лондона за ее пересмотр.

В ходе дискуссий, названных де Голлем впоследствии «нескончаемыми»³, почти все связанные со вступлением проблемы были практически сняты, однако французская сторона со-

¹ *Williams Ch.* Op. cit. P. 417.

² *Heath E.* Op. cit. P. 220.

³ *Wilson H.* The Labour Government. 1964–1970. A Personal Record. London, 1971. P. 336.

знательно затягивала переговоры в расчете на какой-нибудь внешний фактор, который позволил бы их сорвать.

Так и случилось. Этим внешним фактором стало, как известно, подписанное в декабре 1962 г. на Багамах англо-американское соглашение, касающееся сотрудничества в ядерной сфере, которое было расценено французами как «намеренная пощечина». Даже глава французской делегации на переговорах с Великобританией министр иностранных дел Кув де Мюрвиль, заявивший Хиту об отсутствии какой-либо «силы на земле, которая могла бы теперь помешать успешному завершению переговоров (о вступлении. — *Н. К.*)», не предполагал, что скажет через два дня на пресс-конференции де Голль¹. 14 января 1963 г. последовало его знаменитое «железное вето».

Как ни странно, переговоры по инерции продолжались, но уже как неформальные. Надежды членов команд пятерки на то, что удастся повлиять на канцлера ФРГ К. Аденауэра, а через него на де Голля, не оправдались: напротив, вскоре был подписан франко-германский договор о сотрудничестве (Елисейский договор), сделавший его подписантов привилегированными партнерами. Неудача переговоров о вступлении и потрясшее Хита грубое поведение Кув де Мюрвиля, который демонстративно не захотел с ним общаться, стали для него серьезным ударом. Расстроен был и Макмиллан, укрепившийся в своем убеждении, что «в итоге французы всегда предадут»². По отношению к немцам он и вовсе испытывал откровенную антипатию. Хит стал свидетелем того, как однажды в ходе приема на борту королевской яхты «Британия», устроенного супругом Елизаветы II герцогом Эдинбургским после кругосветного путешествия, дремавший во время беседы премьер после упоминания Германии тут же проснулся и отчетливо произнес: «Гансы не меняются. Будучи повержены, они ползают у вас в ногах, но когда побеждают — стремятся оставить

¹ *Heath E.* Op. cit. P. 227, 229.

² *Williams Ch.* Op. cit. P. 430.

у вас на лице след своего сапога». Герцог остолбенел, и тему быстро сменили¹.

Яростные антифранцузские выступления Хита после срыва переговоров, равно как и его предложение повторить попытку, но уже совместно с пятеркой членов ЕЭС, не были поддержаны кабинетом: большинство полагало, что это еще больше разозлит французов и что новая инициатива будет иметь смысл только после ухода с политической сцены де Голля.

Хит считал себя «хранителем» европейской политики и ревностно воспринял в 1967 г. инициативу лейбористского правительства Г. Вильсона повторно обратиться к ЕЭС с просьбой о вступлении, обвинив того в неискренности. В противоположность тому, что делал когда-то сам, он требовал от Даунинг-стрит, 10 предоставить детальную информацию о переговорах с Брюсселем, а после заявления главы Форин офис, разъясняющего условия вступления, обрушился на лейбористов за то, что они намеренно восстанавливают общественное мнение против Европы².

Став лидером оппозиции, Хит встречался с президентом Франции, который был настроен вполне доброжелательно и даже предсказал, что именно Тэд приведет страну в Европу. Связь с де Голлем Хит поддерживал вплоть до его смерти, исходя в своей оценке великого француза из замечания, сделанного в свое время Жаном Моне: «Если хочешь понять де Голля, то надо знать, что по любому вопросу он спрашивает себя — что скажут о нем через 50 лет историки?»³

Провал переговоров с Брюсселем не отразился на репутации Хита. Напротив, в марте 1963 г. на собрании Центрального совета консервативной партии его имя впервые прозвучало в качестве претендента на пост лидера партии. Однако Хит считал, что его время еще не пришло, и на состоявшихся в октябре 1963 г. выборах лидера партии вместо ушедшего по состоянию здоро-

¹ *Heath E.* Op. cit. P. 184.

² *Wilson H.* Op. cit. P. 706.

³ *Ibid.* P. 239.

вья Макмиллана поддержал Алека Дуглас-Хьюма. Как считает биограф последнего Д. Торп, «именно Тэд сделал Алека премьер-министром (подвигнув его стать преемником Макмиллана. — *Н. К.*), а тот сделал премьером Тэда»¹. Понимая, что Хит является прирожденным министром иностранных дел, новый глава правительства посчитал необходимым хоть как-то утешить Батлера, которого уже дважды обошли при выдвижении на пост лидера партии, и предоставил ему самому выбрать себе должность. По несчастью, тот пожелал стать главой Форин офис. Что же касается Хита, то он был назначен Президентом торговой палаты. Однако долго поработать в этой должности ему не пришлось: на парламентских выборах 1964 г. консерваторы проиграли лейбористам, и Хит был передвинут на пост «теневого» министра финансов. Ему также доверили политику партийного планирования, и, предприняв самую серьезную ревизию политики тори с 40-х годов, Тэд энергично взялся за модернизацию партии.

Вторая по значению должность в правительстве позволила ему в полной мере проявить себя в качестве основного претендента на пост лидера партии. В новых условиях, когда необходимо было противостоять молодому и напористому премьеру Вильсону, шестидесятилетний лидер оппозиции, старомодный и усталый аристократ, представитель «итонской мафии» Дуглас-Хьюм явно проигрывал, в связи с чем некоторых заднескамеечников-тори все чаще посещало ощущение, что они выбрали лидером «не того человека». Вместе с тем опрос, проведенный газетой «Дэйли телеграф» в феврале 1965 г., показал, что действующий лидер пользуется поддержкой большинства членов фракции, при этом лишь 10% хотели бы видеть на его месте Хита, уступавшего в популярности другим претендентам — Модлингу и Батлеру². Такой расклад не смутил сторонников «теневого» канцлера казначейства. Активно действуя

¹ *Thorp D. R.* Op. cit. P. 209.

² *Ziegler Ph.* Op. cit. P. 155.